



СЕРБИКА

книжная серия

Миодраг КАЈТЕЗ

ИЗЛОЖБА

РОМАН

АГОРА

Нови Сад — Зрењанин

2015

Миодраг КАЙТЕЗ

ВЫСТАВКА

РОМАН



Скифия

УДК 821.163.41

ББК 84(4Серб)

К15



Република Србија
Министарство културе и информисања

Перевод книги сделан при помощи
Министерства культуры и информации Республики Сербия

Кайтез М.

К15 Выставка / Миодраг Кайтез [пер. с серб. В. Соколова]. —
СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2018. — 192 с.

Балканская бесшабашность, хорошо знакомая нам по фильмам Кустурицы, абсолютное смешение жанров и стилей: драмы и комедии, мистики и детектива, сатиры и лирики, иронии и философии, жизни и смерти — вот что такое роман Миодрага Кайтеза «Выставка», населенный чудаковатыми героями. На первый взгляд его проза может показаться слишком сложной, а «монтаж» сюжета несколько вычурным. Но по мере углубления в текст, с каждой новой страницей картина, набросанная пестрыми мазками, становится все более ясной. И фантастическое противостояние жителей невзрачной трехэтажки алчным чиновникам, желающим любой ценой снести ее, обретает глубокий философский смысл.

ISBN 978-5-00025-152-2

© Кайтез М., 2015

© Соколов В., перевод, 2018

© Издательство «Скифия», 2018

© Издательско-Торговый Дом «Скифия», оформление, 2018

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ПРОЛОГ

*Было бы неплохо, если бы вы
перешли на другую сторону улицы!*

Надо мной — а я тот, что со второго этажа, квартира номер четыре — и над соседом Владицей Перцем, вдовцом, этаж третий, квартира номер восемь, на короткой веревочке с чересчур высокого козырька с некоторой угрозой, вроде скособоченного висельника, свисает металлическая табличка.

Веревочка пропущена в одно из отверстий для шурупов, что по углам, и завязана узелком. Это табличка с названием улицы. (Улицу образует пара одинаковых, стоящих друг против друга трехэтажных типа строений, проблемных в кадастровом отношении — с чем эти бедолаги носились еще при появлении опалубки). На синей стороне таблички — название, а на ржавой — на-малеванный масляной краской совет. Отковыряли ее от положенного места, в трех метрах отсюда, недавно, без свидетелей, измазали краской и повесили здесь с заметными еще пыльно-цементными отпечатками пальцев, чтобы она колотилась и вертелась под ударами ветра сегодня, а завтра, может, и под кулаком какого-нибудь прыгучего переростка.

Вдовый сосед крепко держит меня под руку, чтобы случайно не унес его сильный порыв ветра. Вцепился намертво. Только что на своей колымаге в сорок пять лошадей он привез нас с похорон *четырёхногой* соседки, бабки с непростой, заверенной официальным штампом историей жизни, второй этаж, квартира номер шесть, вместо фамилии на дверях незакрашенный прямоугольник, четвертые уже похороны в нашем типа доме за последние два с половиной месяца.

Немногим более времени минуло с дружеской попойки городских урбанистов и их дорогих гостей — муниципальных чиновников оперативного звена и кадровых офицеров, попойки, с которой чудом удалось вывернуться одной весьма важной секретарше принимающей стороны, разрывавшейся между попытками сохранить остатки мужниной (инженера Миленко) чести и стараниями угодить работодателю. Заперлась за двойной обитой дерматином дверью и села за компьютер. Продолжила расстегивать верхние пуговицы уже частично расстегнутого супермодернового искрометного блейзера (одного из дюжины, которым особо гордилась) и сосредоточенно отстучала принятое на попойке *постановление*: приступить к сносу паршивого строения (чтобы на его месте возвести современный военный комплекс) — за три месяца до истечения предусмотренного законом срока! — такую возможность допускала *секретная статья* договора (обусловленного множеством положений), составленного неполных пять лет тому назад между бывшими отцами города и разбогатевшим гастарбайтером герр Живковичем из Берлина, договора, в соответствии с которым халупе предназначалась иная судьба, но исключительно в *слу-*

чае кончины герр Живковича! (в обязательном порядке естественным образом) в течение трех месяцев до истечения оговоренного срока. Причина такой поспешности состояла в тревожных известиях из Берлина о плачевном состоянии сердца герр Живковича. Потому на попойке и слышались чаще всего лозунги такого типа: *Нельзя ждать! Нельзя рисковать! Постановление! Постановление! Снос! Снос!*

Что это еще такое? Сват, привлеченный *новыми тенденциями в соседской сфере*, утвердив термос с кофеем на низеньком защитном парапете, заинтересованно склоняется с крыши противоположного строения. Шея у него длинная, но он не брезгует и висящим на шее маленьким биноклем, хотя пока что всего лишь вращает указательным пальцем ребристое колесико между окулярами. Облизывает усы, убирает с глаз пряди волос, устроившись там, наверху, где ветер всегда дует сильнее.

Владице же Перцу ветер никак не угрожает. Скорей даже помогает, потому что *поездка* отразилась на его и без того развинченных ноженьках. (Впрочем, и сам Владица начал тут, под козырьком, картинно и волнительно, бесновато и ужасно наносить по ним свободной рукой косые удары карате, разгоняя кровь в бедрах, хотя большой вопрос, в состоянии ли он связать отказ нервной системы с внезапно возникшими чрезвычайными действиями нижних частей конечностей. О, Владица мог здорово двинуться, поверьте нам, хотя всю жизнь не мог избавиться от ощущения, что у него несколько голов, и что все эти головы, непримиримо враждующие между собой, тащат каждая в свою сторону; тем не менее, с детских лет он *очень хорошо* ковылял на паре

своих тощих ходулей, причем без всякой поддержки, и худые ходульки выросли вместе с ним до такой степени, что — вы еще услышите об этом — он еще и хоровод мог за собой повести).

Окончательно удовлетворенная секретарша решила отправить своей сестре, разнаяйцевой близняшке, также секретарше, только в частной фирме с *исключительным опытом в сфере строительства армейской инфраструктуры*, электронной почтой давно ожидаемую новость:

«Получилось! Знаю, вы давно зуб точите на это дело, переживаете, достанется оно вам или не достанется, и все боялись, что вдруг этот баран герр Живкович откажется и все нам испортит. Но теперь, когда у нас есть постановление, весь мир у наших ног. Душенька, чтоб ты знала: у нас впереди ад. Надо жильцов этой паршивой халабуды немедленно и без особого шума расселить (временную передержку мы им обеспечили), чтобы не зря носились курьеры с кучей бумаг, не зря колотились в ночную смену, шуровали по коридорам, чтобы не зря глаза кровью наливались от непрерывных докладов. Еще меня включили в комиссию, которая должна будет следить за работами на месте (и в Берлине), принимая во внимание все аспекты, с целью предотвращения негативных выступлений в СМИ, а также находиться в постоянном контакте со всеми важными факторами и, наконец, дать зеленый свет вам, а вы — вашей сестринской “Демолирен групп”. Лично я оптимистка. С сегодняшнего дня для нашего визионерского братства этот вшивый домик более не существует. На его месте будет строительная площадка, я ее прямо так и вижу. И если какой-нибудь визионер, вдохновенно обходя будущую

стройку, носом уткнется в вонючий фасад, то ничего и не заметит».

После этого секретарша, прищурившись, посмотрела с четвертого этажа из окна кабинета с искусственным климатом на главную улицу. Погладила себя по локотам и плечам. Новенький красный «*мини морис*» остановился на светофоре.

Оставил вдовый Владица своего *четырёхколесного* на импровизированной усыпанной галькой парковке на заднем дворе.

Слишком долго держали микролитражку на капиталке, вдыхали в нее новую жизнь, и вернули Владице только сегодня утром. Зато в самый раз. Очень ей Владица обрадовался (о, дружил он с этим автомобильчиком полных двадцать восемь лет, хотя, судя по пробегу в 000280, никак об этом не скажешь), и пришло ему в голову, пусть потом хоть и света белого ему не видать, поделиться радостью с родным созданием, что означало покатать его на собственной капитально отремонтированной микролитражке. В противном случае, если не поделится он радостью и не покатает родное создание, то вдове сердце лопнет, совсем как стеклышко в его очках. А ведь нет существа — вы с нами немедленно согласитесь — которое не то чтобы немножко, а целых одиннадцать с половиной лет прожило едва ли не дверь в дверь с таким соседом, как Владица Перц — не найдется такого существа (и не только среди амаксобов*), которое бы не поняло, какую опасность оно миновало, сидя рядом с таким шофером, пройдя первый же крутой поворот.

Часа эдак с два тому назад сосед Владица выбрал на моей шее место, в которое он под этим самым козырьком вцепился, как раз в тот момент, когда я вернулся с прогулки по *незавершенному пространству* на том берегу сухого канала, которым наша улочка с восточной

* Амаксобия — панический страх водить машину или быть в ней (здесь и далее — примечания переводчика).